

О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Владимир ГУТОРОВ, Людмила АНЦИБОР

Кафедра психологии

Globalizarea este considerată de către mulți specialiști un element indisolubil al istoriei mondiale. Globalizarea, fără îndoială, intensifică dilemele tradiționale ale coeziunii și diversității, universalismului și particularizării, cosmopolitismului și al sentimentului de apartenență națională. Toate dilemele acestea, pe lângă dimensiunile politice, culturale și etice, includ în sine și dilema psihologică. În articol se face o încercare de a oferi răspuns la următoarele întrebări: a) în ce măsură tendințele globale de transformare a culturii politice contemporane și a puterii politice se reflectă în domeniul teoriei politice: nu ne vom confrunta noi în perspectivă cu o criză ulterioară provocată de incapacitatea savanților de a analiza adecvat tendințele acestea? b) există oare necesitatea de a include în analiza procesului de globalizare atât momentul etic, cât și cel psihologic?

Globalization is considered by many experts as an inherent element of the world history. Globalization, obviously, strengthens the traditional dilemma of unity and diversity, universal and special characteristics, cosmopolitanism and one's national origin. All the above mentioned dilemmas have besides political basis, their cultural ethical and psychological heritage. In the article an attempt is made to answer the following questions: 1. To what extent the existing global tendencies in the modern political culture and political powers transformations change political theories; are we going to face in the nearest future another crisis of the latter theory, triggered by the scientists incapability to analyze these tendencies adequately? 2. Is there a necessity to include the ethical and psychological parameters into the analysis of the globalization process?

Цель данного исследования представляется нам более чем скромной. В настоящее время проблема глобализации рассматривается многими специалистами в качестве неотъемлемого элемента мировой истории с того самого момента, когда сформировались те механизмы развития, которые принято (несколько неопределенно) называть цивилизационными. Связать воедино все аспекты модификаций этого явления в историческом плане, равно как и на современном этапе, – задача, непосильная ни для одного исследователя, ни для отдельно взятых коллективов ученых-единомышленников.

В общественных науках нет недостатка в прогнозах относительно перспектив эволюции политических систем и политической власти на микро- и макроуровнях, т.е. в мировом и региональном измерениях. Эти прогнозы, как правило, основаны на анализе базовых конфликтов как между развитыми капиталистическими государствами (США, Япония и страны ЕС), так и между этими странами и группами государств, представляющих либо другие экономико-политические зоны (территория бывшего СССР и Китай), либо иной тип цивилизации, например – исламский мир. О том, насколько общественные науки продвинулись в этом направлении, свидетельствует, например, полемика, развернувшаяся вокруг работ С. Хантингтона и Э. Валлерстайна. Вдаваться во все нюансы этой полемики нет никакого смысла, поскольку при всем ее многообразии общий характер затрагиваемых вопросов является, на наш взгляд, вполне ясным и определенным. Можно ограничиться поэтому попыткой дать ответ только на следующие вопросы:

а) в какой мере глобальные тенденции трансформации современной политической культуры и политической власти отражаются в области политической теории: не столкнемся ли мы в перспективе с очередным кризисом последней, порожденным неспособностью ученых адекватно анализировать эти тенденции?;

б) существует ли необходимость включать в анализ процесса глобализации как этический, так и психологический моменты?

Может показаться странным, но именно последний вопрос приобрел с недавних пор вполне очевидную актуальность. Мы в очередной раз переживаем время, когда пессимизм является наилучшим лекарством против самообольщения и когда трезвый взгляд на вещи необходим как никогда прежде. Никакие пророчества о наступлении новой эры глобализации, несущей пересмотр традиционных представлений о государстве, власти, правах человека и т.д., не могут быть приняты во внимание без пред-

варительного научного анализа. «Наиболее фундаментальным элементом пессимизма, – отмечал Жорж Сорель в письме Даниэлю Галеви от 15 июля 1907 г., – является сам его метод поиска путей к освобождению...» [1]. Констатируя, с каким равнодушием большинство жителей Западной Европы, равно как и население нашей страны, наблюдали с телеэкранов трагедию, разворачивавшуюся в Ираке и других странах Ближнего и Среднего Востока, поневоле желаешь утешить себя тем доводом, что для рода человеческого такое состояние безразличия является вполне обычным и что оно повторялось в истории множество раз. Вот как, например, описывает Тит Ливий переговоры македонского царя Персея с римским консулом Квинтом Марцием в 171 г. до н.э.: «А через несколько дней все сошлись в условленном месте. Царя окружала большая свита, состоявшая из толпы друзей и телохранителей. Римские легаты явились со столь же внушительным сопровождением, так как за ними следовали и многие граждане Ларисы, и собравшиеся в этот город посольства других городов, которые желали подробно рассказать дома обо всем, что ни довелось услышать. Всех одолевало свойственное человеческой природе любопытство, стремление увидеть встречу знаменитого царя и послов первенствующего на земле народа» (Titus Livius. *Ab urbe cond.* XLII, 39. 1-3) [2]. Когда в юности читаешь эти строки, всегда охватывает наивное саркастическое чувство, связанное с тем, что знаешь «наперед»: через три года погибнет не только жестокий македонский тиран, но и сами любопытствующие греческие обыватели на столетия сделаются жалкими вассалами «первенствующего на земле народа». Сегодня эти строки воспринимаются по-иному: поневоле ловишь себя на мысли о том, что повествование, на этот раз, идет о тебе. *De te fabula narratur!*

Приятно, конечно, утешать себя позаимствованными у О. Шпенглера следующими меланхолическими рассуждениями: «Все ставшее преходяще. Преходящи не только народы, языки, расы, культуры. Через несколько столетий не будет уже никакой западноевропейской культуры, никаких немцев, англичан, французов, как во времена Юстиниана уже не было никаких римлян... Преходяща любая мысль, любая вера, любая наука, стоит только угаснуть умам, которые с необходимостью ощущали миры своих «вечных истин» как истинные... Мы знаем это. Животное этого не знает...» [3]. Возможно, даже наверно Шпенглер прав. Но можно быть вполне уверенным и в том, что когда какую-либо нацию охватывает обывательское «историческое любопытство» (которое чаще всего сродни полной апатии), это является симптомом того, что она исчезнет с исторической арены гораздо скорее тех народов, которые в различные времена претендовали и еще претендуют на роль «первенствующих на земле».

Следует отметить, что в современной научной литературе охарактеризованная выше разновидность «эффекта театра» уже давно стала объектом для скрупулезного анализа. Например, уже во второй половине 1990-х гг. И. Валлерстайн в одном из своих эссе – «Мир, стабильность и легитимность, 1990 – 2025/2050» – следующим образом (а именно – в форме риторического вопроса) охарактеризовал перспективную реакцию как нынешнего, так и будущих поколений на возможные войны и конфликты между Японией, США и объединенной Европой: «И кто достаточно силен морально и в военном отношении, чтобы ставить такие заслоны? Кто готов вкладывать свои ресурсы в это, особенно с учетом интенсифицирующегося едва балансируемого соперничества Север – Север (Япония – США против ЕС)? Там и сям какие-то усилия будут предприниматься. Но большей частью мир будет просто взирать на происходящее, как это было во время ирано-иракской войны и как происходит в бывшей Югославии или на Кавказе, а на самом деле даже в гетто американских городов. Это станет еще более верным, когда возрастет число развивающихся одновременно конфликтов Юг - Юг» [4].

Равнодушие нашей общественности, не говоря уже о западноевропейском политическом сообществе, нуждается в объяснении, поскольку повсеместно распространенные настроения политической резиньяции (реакция правительств Франции и Германии на «антитеррористическую» операцию США и Великобритании против Ирака была редким и, как оказалось, довольно преходящим исключением), безусловно, являются немаловажным элементом современной политической культуры, представляя в эпоху глобализации бросающийся в глаза контраст многочисленным проявлениям исламского фанатизма.

Нет необходимости специально останавливаться на определении самого понятия «глобализация». Учитывая постоянно возрастающее число дефиниций, можно просто принять одну из наиболее распространенных, например – становление «мира в виде единого, или ... одного пространства, а движение к такому единому миру – как процесс, начавшийся на ранних этапах истории и ныне ставший почти неизбежным» [5]. Вместе с тем, мы вполне склонны считать, что широко обсуждаемое в научной литературе понятие «современность» до известной степени противостоит понятию «глобализация» (разумеется, в концептуальном смысле), а в некоторых случаях является антиподом последнего.

В интересующем нас контексте соотношения политической культуры и власти наше представление о современности, безусловно, связано с глубоким культурным сдвигом рубежа XVIII – XIX столетий, когда под влиянием Великой французской революции возникает ряд «отчетливо новых институциональных проектов, которые начали символизировать современный мир как таковой» [6]. В противовес традиционному натуральному хозяйству и регулируемой меркантилистской системе появляется либерально-рыночная экономика. В сфере политики абсолютистской монархии противостоит конституционный идеал республики сограждан, опирающийся на концепцию Государства - Нации и народного суверенитета. Речь, таким образом, идет о процессе демократической революции, которая развивается вот уже более двух столетий. Демократическая традиция за этот период претерпела значительные видоизменения, преодолевая в XIX в. сопротивление казалось бы уходящего в прошлое феодализма, а в XX в. вступив в смертельную схватку с тоталитаризмом, из которой она в конце второй мировой войны вышла победителем, укрепив в равной степени как свою либеральную, так и эгалитарную составляющую. Под последней мы подразумеваем процесс распространения политических и гражданских прав на основную массу населения в западных странах, признание социалистических партий и профсоюзов в качестве равных партнеров традиционных буржуазных политических организаций, усиление роли государственного планирования, развитие социальных программ в рамках концепции «социального государства» и т.д. Представляется, однако, что правы те ученые, которые, критически относясь к популярной в 1950 – 1960-е гг. теории конвергенции, основным моментом которой было признание западной либеральной демократии в качестве эталона и «мерила всемирного исторического развития» [7], полагали, что гораздо естественнее вести речь о «множественности современностей», учитывая не только всевозрастающие различия между Западом и исламским миром, но и сохранение глубоко специфических черт в развитии Японии и Китая.

Аналогичным образом обстоит дело и с так называемыми посткоммунистическими обществами в целом. Ш. Эйзенштадт в своей книге «Революция и преобразование обществ» справедливо подчеркивал, что в отличие от Западной Европы, где «преемственность культурных ориентаций способствовала возникновению большого разнообразия новых, относительно автономных институтов и групп и облегчению контроля над ними...» [8], в России (как и в Китае) уничтожение революционными элитами большинства «конкретных символов и структур существовавших традиций, слоев и организаций» не изменило традиционных авторитарных ориентаций, характерных для имперских порядков, сводящих «к минимуму личную и внутригрупповую идентичность» [9]. И если в странах Центральной и Восточной Европы авторитарные тенденции, столь характерные для поведения новых элит в период «бархатных революций» и на первых этапах реформ, постепенно смягчаются (хотя по целому ряду объективных и субъективных причин еще далеки от окончательного исчезновения), никто не может утверждать, что авторитаризм в современной России пошел на убыль, и для нее открывается сколько-нибудь реальная перспектива эволюции в направлении становления либерально-демократического режима.

Так или иначе, тезис о плюрализме современностей более соответствует характеру нашей эпохи, которую С. Хантингтон предпочитает определять как «столкновение цивилизаций». Весьма характерно, что главное отличие международного порядка, сформировавшегося после второй мировой войны, С. Хантингтон усматривает в новом феномене многополюсности: если для современной эпохи, начавшейся в 1500 г., многополюсность исчерпывалась взаимодействием и конфликтами между главными акторами внутри западной цивилизации, в наши дни «глобальная политика... впервые в истории... одновременно стала учитывать взаимодействие многих цивилизаций» [10].

Тем не менее, основные тенденции такого взаимодействия на сегодняшнем этапе рассматриваются Хантингтоном преимущественно в плане нарастания конфликтности со всеми очевидными регрессивными последствиями. Эти последствия просматриваются, прежде всего, в очевидном противоречии между традиционным восприятием мировой политики как сферы противоборства и соперничества между группировками национальных государств и теми интернациональными явлениями, которые характерны для эпохи революционного сдвига в сфере разработки новых промышленных и информационных технологий и развития массовых коммуникаций. Непосредственным результатом этого процесса стало углубление водораздела между Западом и «всеми остальными» [11]. За крахом коммунизма немедленно последовал кризис либеральной универсалистской морали «нового мирового порядка» [12]. «Запад пытается (и впредь будет пытаться) сохранить свое ведущее положение и отстоять собственные интересы, определяя их как интересы «мирового сообщества»» [13]. Но тем самым становится все более очевидным тот разрыв, который существует между провозглашаемыми принципами Запада и его дей-

ствиями. Лицемерие, двойная мораль, игра в «да и нет» – вот цена его претензий на универсализм. Двойная мораль стала на практике неизбежной ценой универсальных норм и принципов» [14].

Таковы основные предпосылки, которые вырисовываются в качестве исходного момента анализа политической власти и политической культуры на новом витке глобализации. Разумеется, приходится оставить в стороне многообразные концепции власти в современной политической теории, поскольку в данной работе в объяснении нуждается, собственно, только одна проблема: существуют ли на данный момент какие-либо предпосылки модификации того явления, которое обычно называют «антиномией» или «дихотомией» власти. Анализ этой проблемы позволяет также ответить на вопрос: является ли долговременной, если не постоянной, старая, хорошо обозначенная Макиавелли, традиция использования в сфере международных отношений неприглядных архаических средств современными государствами, идентифицирующими себя как либеральные демократии, или же она вновь призвана к жизни исключительными историческими обстоятельствами.

В связи с обсуждением этой проблемы уместно вспомнить, что уже на раннем этапе научного исследования феномена власти Чарльз Мэрриам – один из наиболее выдающихся представителей чикагской политологической школы, очень хорошо описал обозначенную выше дихотомию в 4 и 5 главах своей книги «Политическая власть». В частности, наряду с теми ее элементами, которые заслуживают «веры и восхищения» (*credenda et miranda*), он в главе «Постыдная власть» указывает на следующие шесть ее элементов, формирующих тот ее образ, который обычно возникает у тех, кто вынужден ей подчиняться:

1. насилие, жестокость, террор, надменность;
2. лицемерие, обман, интрига;
3. коррупция и привилегия;
4. несгибаемость и упорство;
5. ретроградство, слабая приспособляемость к прогрессу;
6. нерешительность и бессилие [15].

Одним из главных свойств строго научного определения многих понятий является их универсальность. В применении к понятию «власть» данное свойство должно означать, что оно охватывает, по возможности, все сферы применения власти – от индивидуальной и групповой до глобальной (мировой политики). Если придерживаться такого критерия, то следует признать, что многие определения и концепции власти (прежде всего концепции либерального толка), разработанные за последние 50-60 лет, далеко не всегда могут выдержать критику именно с точки зрения универсалистского подхода. Например, теория Х. Арндт, отождествлявшей власть с «пространством свободы», теснейшим образом связана с европейской традицией либеральной политической мысли, которая в настоящий момент переживает глубокий кризис. Поэтому отнюдь не случайно, что предпринятые США и их европейскими союзниками военные действия против Сербии во второй половине 1990-х гг., а также война против Ирака, спровоцировавшие кризис всей системы международных отношений, сформировавшейся в результате второй мировой войны, вновь привлекли внимание к той резкой критике глубинных оснований либеральной политической теории, которая хорошо представлена в работах Г. Моргентау, опубликованных в ранний послевоенный период. Эта критика была направлена и против той концепции власти, которую либеральные теоретики развивали на протяжении почти двух столетий. «Фукидид, Макиавелли, Ришелье, Гамильтон или Дизраэли, – отмечал Моргентау в книге «Человек науки против политики власти» (1946 г.), – всегда воспринимали природу международной политики как непрерывную борьбу за выживание и власть. Верно и то, что даже до того, как возникло новое направление международной мысли, эта концепция международных отношений подвергалась постоянным нападкам. Начиная с отцов церкви и до писателей-антимакиавеллистов восемнадцатого века, международная политика превратилась в объект морального осуждения. Но современная международная мысль идет дальше. Она отрицает не только моральную значимость политической власти, суть которой и состоит в постоянном опровержении рациональных ценностей истины и справедливости; она отрицает если не само фактическое существование политики власти, то, по крайней мере, ее органическую и неизбежную связь с жизнью человека в обществе. Френсис Бэкон только предрекал, что господство человека над природой придет на смену порабощению человека человеком. Но для ведущей международной мысли девятнадцатого века это пророчество стало истинно. В рациональной общественной системе нет места насилию, поэтому для среднего класса жизненно важной (как в практическом, так и в интеллектуальном плане) становится проблема: каким образом избегать вмешательства извне, в осо-

бенности – насильственного вмешательства, поскольку тончайший механизм социальной и экономической системы предполагает рациональность мира в самом широком смысле этого слова. Возвышая эту проблему до уровня абсолютно непогрешимого философского и политического постулата, либерализм упускал из виду как уникальность, так и совершенно исключительный характер того опыта, в рамках которого эта проблема возникла. Ведь отсутствие организованного насилия в течение длительных исторических периодов является скорее исключением, чем правилом во внутренних, но не в меньшей степени и в международных отношениях [16]. Развивая свою критику либеральной концепции власти, Г. Моргентау вполне справедливо подчеркивал, что либерализм твердо стоит на ногах, когда он отвергает насилие во внутривнутриполитических делах. Он в значительной степени заменил господство посредством открытого насилия системой косвенного господства, ведущего свое происхождение из специфических потребностей среднего класса и дающего ему преимущество в борьбе за политическую власть. Однако международные отношения никогда не перерастали «долиберальной» стадии. Даже там, где правовые отношения скрывают отношения власти, власть должна пониматься в терминах насилия – актуального и потенциального. Потенциальное насилие всегда имеет тенденцию к превращению в реальную войну. Различие между войной и миром состоит не в сущности, а в степени. Либералы, обманутые внешним сходством между международным миром и миром во внутренних делах в новейший период, перенеся свой местный опыт в международную сферу, приравнивают различие между войной и миром к различию между авторитарным насилием и либеральной рациональностью [17].

Разумеется, нельзя категорически утверждать, что основной причиной оживления критики либерализма, подобно той, которая была представлена первоначально в работах Г. Моргентау, а позднее в охарактеризованных выше книгах И. Валлерстейна и С. Хантингтона, являлась попытка либералов монополизировать идеологический дискурс, связанный с интерпретацией проблем глобализации. На наш взгляд, гораздо большее значение в этом плане имела ясно обозначившаяся с середины 1980-х гг. тенденция к трансформации международного порядка в направлении от биполярного к однополярному миру. Еще в начале 1960-х гг. Г. Маркузе – выдающийся леворадикальный философ, оценивая специфические черты биполярного мира, писал в предисловии к своей знаменитой книге «Одномерный человек»: «Разве угроза атомной катастрофы, грозящей стереть род человеческий с лица земли, не служит также и тому, чтобы защищать те же самые силы, которые увековечивают эту опасность? Усилия помешать подобной катастрофе затемняют поиск ее потенциальных причин в современном индустриальном обществе. Эти причины остаются неидентифицированными, не выставляются напоказ и не подвергаются атакам со стороны общественности, поскольку они отступают перед лицом слишком очевидной угрозы извне: Западу со стороны Востока, Востоку со стороны Запада. Равным образом очевидной является потребность находиться в состоянии готовности, жить на грани, встретить вызов с открытым забралом. Мы подчиняемся мирному производству средств разрушения, совершению излишних трат, процессу воспитания в духе обороны, деформирующего и самих защитников и то, что они защищают. Если мы попытаемся соотнести причины опасности с тем способом, с помощью которого общество организует себя и своих собственных членов, мы немедленно сталкиваемся с тем фактом, что развитое индустриальное общество становится богаче, крупнее и лучше постольку, поскольку оно увековечивает опасность» [18].

Сегодня, пережив опыт краха СССР и Варшавского блока, мы можем совершенно отчетливо видеть, что обрисованная Г. Маркузе ситуация полностью сохраняет свою актуальность. Нет никаких оснований считать, что парадигма развития индустриального (или даже постиндустриального) общества радикально изменилась после того, как мир почти внезапно стал однополярным. Вершители его судеб вряд ли откажутся от перспективы дальнейшего обогащения в рамках традиционной парадигмы, коль скоро для «увековечения опасности» требуется только создать образ нового глобального врага. Кампания по борьбе с «международным терроризмом», оккупация Ирака и усиленная подготовка США и их союзников к широкомасштабной войне с Ираном – этапы на пути реализации вполне традиционной стратегии, прикрываемой риторикой, малоотличной от тех идеологических штампов, которыми пестрела антикоммунистическая пропаганда эпохи «холодной войны». Совершенно не случайно поэтому английский социолог Э. Гидденс сравнивает современную глобальную систему с «поскутным одеялом», имея в виду отсутствие баланса между бедностью и богатством, а также отсутствие как политической интеграции, так и согласия между нациями и регионами, что само по себе является источником нагнетания международной напряженности [19].

Тем не менее, нельзя отрицать, что специфический характер нового миропорядка продолжает влиять на постепенную трансформацию политической власти и политической культуры в направлении их униформизации в различных регионах, например – в результате новых форм взаимоотношения между Западом и посткоммунистическими странами. При этом следует подчеркнуть, что независимо от того, какую роль западные неоконсерваторы и радикальные либералы в Восточной Европе и России приписывали государству, в новой конфигурации власти общий характер политической эволюции, основные механизмы которой сформировались после второй мировой войны, остаются неизменными. Например, хорошо известно, что усиление роли государственного планирования стало одной из самых примечательных черт развития в этот исторический период. Формирование нового государственного аппарата было неотделимо от роста бюрократических структур, равно как и новых манипулятивных технологий. Последние, в свою очередь, были тесно связаны с быстрым развитием СМИ и других средств политической коммуникации. Например, известный французский социолог Ж. Эллюль еще в 1950-е гг. выводил развитие пропагандистских и рекламных технологий из самой природы современного государства. «Современное государство, – отмечал он в книге «Технологическое общество», – не более может обходиться без различного рода технических средств, чем бизнесмен без телефона и автомобиля. Бизнесмен пользуется этими предметами, поскольку он особенно испытывает любовь к прогрессу. Государство использует пропаганду или планирование, потому что оно является социалистическим. Обстоятельства таковы, что государство не может быть иным, чем оно есть на самом деле. Не только оно нуждается в технике, но и техника нуждается в нем. И это не является делом случая или результатом действия сознательной воли; скорее это необходимость, которая выражает себя в росте технического аппарата вокруг все более уменьшающегося в размерах и слабеющего «мозга». Стоящая за государством движущая сила не развивается пропорционально развитию государственного аппарата. Этой движущей силой... является человек. Человек, находящийся в центре технической организации, больше не обладает способностью к функционированию иначе, чем в качестве простого гражданина, затерянного в технологическом окружении. Иными словами, политик отодвигается к статусу меньшинства самой громадностью технических средств, находящихся в распоряжении государства. Государство больше не является Президентом Республики плюс один или два члена Палаты депутатов. Оно не является диктатором с несколькими всемогущими министрами. Это организация, отличающаяся всевозрастающей сложностью, заставляющей работать на себя всю сумму технологий современного мира» [20].

В свою очередь, Г. Маркузе настаивал на тезисе, согласно которому западная социально-политическая система движется от традиционного плюрализма к формированию «одномерного общества» вследствие комбинации управляемого характера современной экономики и роста бюрократии на всех уровнях. Ведущая тенденция западной политической культуры состоит в ее «деполитизации», т.е. в выкорчевывании политических и моральных вопросов из социальной жизни, являющемся результатом обладания техническими средствами, а также роста производительности и эффективности. «Инструментальный рассудок», возникающий как побочный продукт деполитизации, гарантируется влиянием СМИ на культурные традиции низших социальных классов, на региональные и национальные меньшинства, которые загоняются в прокрустово ложе «упакованной культуры» при помощи информационного обмана.

Предполагается, что СМИ также становятся инструментом рекламной индустрии, нацеленной на безудержное потребление. Конечным результатом этих процессов является рост «ложного сознания», т.е. определенного психологического состояния, когда человек перестает осознавать свои собственные интересы, потому что мир бюрократии извращает и извращает человеческую жизнь. Но несмотря на тот факт, что социальный порядок становится репрессивным и недостойным в рамках тесного взаимодействия между государством и промышленностью, большинство людей предпочитает мириться с такими условиями. Человеческое поведение становится пассивным, будучи пронизанным конформизмом. Люди лишаются выбора относительно того, какой вид продукции является для них наиболее предпочтительным или в какой из форм демократии они желают принимать участие. Если они стремятся к безопасности и комфорту, они должны приспособливаться к стандартам существующей экономической и политической системы из страха подвергнуться маргинализации. Следовательно, идея власти народа оказывается мифом [21]. «Политическая свобода, – отмечает Маркузе, – означала бы освобождение индивидов от политики, над которой они не имеют эффективного контроля. Аналогичным образом, интеллектуальная свобода означала бы восстановление индивидуальной мысли, ныне поглощенной массовой коммуникацией и индоктринацией, ликвидацией «общественного мнения»

вместе с его создателями. Нереалистичное звучание этих предложений показательно не вследствие их утопического характера, но вследствие мощи тех сил, которые препятствуют их реализации» [22].

В настоящее время вовсе не кажется странным, почему такие критические пассажи, созданные более сорока лет назад, оказались более чем пригодными для анализа политических процессов, развивающихся в странах Центральной и Восточной Европы, а также в России, с начала 1990-х гг. Не входя во все детали проблемы, связанной с методологическими подходами, равно как и с выбором критических теорий, подходящих для исследования сложных реалий посткоммунистического мира, можно только выделить в заключении ту основную перспективную линию, которая приводит к самой возможности проведения параллелей между посткоммунистическими странами и, например, США, которые Г. Лосуэлл уже в 1950-е гг. характеризовал как «высоко манипулируемое общество», – это сверхидеологизация политического процесса и политического дискурса, выявляющая основные ориентации новых политических элит. Эта тенденция была хорошо выявлена в книге венгерских политологов Г. Конрада и И. Целеньи «Интеллектуалы и господство в посткоммунистических обществах» на примере анализа политики элит стран Центральной и Восточной Европы. В частности, отвечая на вопрос – какая позиционная сила скрывалась за победой, завоеванной в сфере свободы слова, они сформулировали следующий тезис: интеллектуалы первой волны «бархатных революций» изначально не стремились занять места новой бюрократии или новой буржуазии, претендуя на роль «идеологических прожектеров». Представление об экстраординарном характере этой роли было основано на той иллюзии, что посткоммунистическая власть является «биструктуральной», бюрократия и новая буржуазия ведут игру друг против друга, в то время как интеллектуалы могут занять место «высших арбитров» словно на спортивных состязаниях. Основным орудием для достижения этой роли является монополизация социального дискурса, прежде всего – структуры политического языка, что позволило бы определять в будущем политическую повестку дня. Тем временем интеллектуалы становятся «медиакратами», приобретая соответствующее политическое влияние и подготавливая для себя позицию «политократов». Разумеется, подобного рода ориентация, скрывающаяся за демократической риторикой, не могла не быть авторитарной [23].

Что касается нашего современного общества, то предлагаемые отечественными и зарубежными учеными различные интерпретации сформировавшейся в ней политической культуры, как правило, опосредуются идеей новой корпоративной политики. Например, английский политолог Р. Саква в своем описании российского политического ландшафта предпочитает использовать понятие «режимная демократия». «Россия, – отмечает Саква, – пережила неоконченную революцию: структура власти изменила свои формы, но традиционное подчинение политического процесса правящим элитам также подверглось новым модификациям; отношения собственности видоизменились, но политика и экономика остаются недифференцированными; правящий класс в общем пребывает на своем месте, будучи лишенным позиций только в самом верхнем эшелоне политической системы. Неполная демократизация привела к возникновению гибридной системы, объединяющей демократию и авторитаризм» [24]. Этот режим базируется на определенном и нестабильном альянсе: при господствующей роли группы бюрократии, созревшей для реформы, идеологическая программа этого режима пришла от либералов-западников, в то время как фрагментированные демократические движения действовали преимущественно в роли союзников. Режиму не удалось институционализировать ни политического влияния социальных движений посредством партийных форм представительного правления, ни своей собственной ответственности перед обществом через законодательные учреждения или всеобъемлющую сеть коммуникативных структур, таких как СМИ и другие элементы плюралистического гражданского общества [25].

Избегая крайних оценок, часто сопровождающих анализ политического процесса в современном посткоммунистическом регионе в целом, можно определить общие тенденции эволюции отечественной политической культуры, которая отражает влияние идеи и практики глобализации на местные элиты. Приняв на вооружение концепцию быстрой либерализации экономики и политической системы в рамках новой версии «догоняющей модернизации», посткоммунистические политические лидеры лишились преимуществ поддержки со стороны сильного государства для преодоления многообразных трудностей переходного периода. «Демократия никогда не действует без элементов принуждения: необходимым условием функциональности демократического государства является сильное и авторитетное правительство, которое способно не только выступать в роли арбитра между многообразными интере-

сами, но авторитетно навязывать свою политику социальным группам и экономическим интересам» [26]. Но в то время как посткоммунистические режимы в Центральной и Восточной Европе могут, в конечном итоге, компенсировать слабость демократических традиций путем интеграции в структуры Европейского Союза, Россия, напротив, оказалась обреченной исключительно на имитацию соответствующих западных либеральных образцов именно потому, что была разрушена ее естественная консервативная основа, а именно – традиции централизованной авторитарной системы управления. Единственной «компенсаторной формой» стала предельная политизация социальной жизни, сведенной к бесконечным потокам телепропаганды, которые политики «новой волны» периодически выливают на население, неспособное на данном этапе самостоятельно выбраться из пропасти острейшего экономического кризиса.

Глобализация, бесспорно, усиливает традиционные дилеммы единства и многообразия, универсализма и партикуляризации, космополитизма и чувства национальной принадлежности. Все эти дилеммы имеют, помимо политического, культурное, этическое и психологическое измерение. Трудности демократической трансформации в нашей стране отчетливо демонстрируют тот факт, что глобализация не может рассматриваться как эквивалент вестернизации, поскольку поиск новой национальной идентичности является неизбежным следствием первой.

Литература:

1. Sorel G. Reflections on Violence. Transl. by T. E. Hulme and J. Roth with an introduction by Edward A. Shils. - New York, 1967, p.34.
2. См.: Тит Ливий. История Рима. - Москва, 1989, т.1, с.446.
3. Шпенглер О. Закат Европы. - Москва, 1993, т.1, с.329.
4. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация с современным миром. - СПб., 2001, с.367. Трудно отказаться от мысли, что в данном пассаже И. Валлерстайн лишь парафразирует на современный лад известный афоризм Ш.-Л. де Монтескье: «Обычаи рабского народа составляют часть его рабства, обычаи свободного народа составляют часть его свободы» (Монтескье Ш.-Л. Избранные произведения. - Москва, 1955, с.424).
5. Чешков М.А. Глобальный контекст постсоветской России. Очерк теории и методологии мироцелостности. - Москва, 1999, с.21.
6. Виттрок Б. Современность: одна, ни одной или множество? (Европейские истоки и современность как всеобщее состояние) // Полис. - 2002. - №1. - С.151.
7. Там же, с.156.
8. Эйзенштадт Ш.Н. Революция и преобразование обществ. Сравнительное исследование цивилизаций. - Москва, 1999, с.290.
9. Там же, с.290-291.
10. Цит по: Новая индустриальная волна на Западе. - Москва, 1999, с.531.
11. Там же, с.535.
12. См.: Валлерстейн И. Анализ мировых систем..., с.313.
13. Новая индустриальная волна на Западе, с.536.
14. Там же, с.537.
15. Merriam Ch. E. Political Power. - New York, 1964, p.136. Последний обозначенный Мэрриамом пункт имеет, на наш взгляд, мало общего с нарисованным В. Гавелом образом «власти безвластных».
16. Morgenthau H.J. Scientific Man versus Power Politics. - Chicago & London, 1967, p.42-43.
17. Ibid., p.49-50.
18. Marcuse H. One-Dimensional Man. - Boston, 1964, p.IX.
19. Гидденс Э. Социология. - Москва, 1999, с.513.
20. Ellul J. The Technological Society. With an Introduction by Robert K. Merton. - New York, 1964, p.253-254.
21. Marcuse H. One-Dimensional Man. Ch. 1.
22. Ibid., p.4.
23. Konrad, Gy. and Szelényi, I. Intellectuals and Domination in Post-Communist Societies // Social Theory for Changing Society. - Ed. by P.Bourdieu & J.S.Coleman. Boulder, 1999, p.337-361.
24. Sakwa R. The Regime System in Russia // Contemporary Politics. - 1997. - Vol. 3. - No 1. - P.7.
25. Ibid., p.8-9.
26. Ibid., p.16.

Prezentat la 11.05.2007